

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ СТИЛЕЙ

Ю.А. Лобина

Кафедра английского языка
Ульяновский государственный педагогический
университет им. И.Н. Ульянова
площадь 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4, Ульяновск, 432700

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при исследовании национальных стилей коммуникации в научной сфере. На материале научных статей, написанных представителями разных лингвокультур на родном и неродном языке, показано, что эквивалентные в структурном отношении единицы разных языков могут реализовывать различные стилевые черты. Их функции в формировании национального научного стиля могут быть выявлены лишь с использованием контекстуального анализа и учетом всей совокупности этноспецифичных средств реализации коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: национальный стиль коммуникации, стилевая черта, научный дискурс, коммуникативная стратегия, контекстуальный анализ.

Сфера научных контактов кажется одной из областей, где происходящая сегодня глобализация имеет несомненно положительные последствия: польза от объединения усилий ученых разных стран очевидна. Проблема обеспечения успешности межкультурной коммуникации в сфере науки волнует в последние годы многих лингвистов, а также представителей смежных областей исследования, пристальное внимание которых обращено на изучение как универсалий научного дискурса, так и национальных стилей коммуникации.

Решение этой проблемы видится на разных путях. Возникло направление, представленное исследователями разных стран, которое отмечает появление лингва франка, языка международного общения ученых, развивающегося на базе английского языка, но отличающегося от его «стандартного» варианта, эффективность использования которого не зависит от лингвокультурной принадлежности говорящего. Создаются и исследуются корпуса устной и письменной разновидности английского как лингва франка, ярким примером которых может служить проект ELFA, осуществляемый на базе хельсинкского университета [10].

Однако наиболее серьезные коммуникативные помехи в межкультурном научном общении, как указывают многие исследователи, в том числе и изучающие английский как лингва франка [7], возникают не на почве различия их родных языков или уровня владения английским. Авторы научных работ придерживаются национального стиля коммуникации, усвоенного ими в родной лингвокультуре, независимо от того, на каком языке они пишут и каков их опыт взаимодействия с другими стилистическими системами. Несоответствие коммуникативных стратегий пишущего ожиданиям читателя приводит к недопониманию и недооценке полученных коллегами результатов. Пока неясно, как эта проблема может быть решена при переходе на единый международный научный язык, на сегодня очевидна лишь значимость изучения национальных коммуникативных стилей в науке и ознакомления с их спецификой широкого круга ученых, особенно молодых.

Современные исследователи национальных различий научной коммуникации используют, как правило, один из следующих подходов к решению проблемы. В первом случае отправной точкой являются особенности стиля мышления, и, шире, культуры, целых «цивилизаций», проявляющиеся, по мнению авторов, и в научном общении представителей этих «цивилизаций». Наиболее известным примером такого подхода является часто цитируемая работа Й. Гальтунга [4]. Сравнительно небольшое количество языкового/речевого материала, привлекаемого для иллюстрации тезисов автора, вызывает критику работ этого направления, основанную на подозрениях в субъективности полученных выводов, однако в перспективе межкультурной коммуникации более серьезным недостатком этого подхода представляется невозможность непосредственного использования результатов в лингводидактических целях.

Представители второго подхода, напротив, отталкиваются от регулярных расхождений в употреблении языковых и речевых структур в научных текстах, а затем в ряде случаев предлагают объяснения этих расхождений, опираясь на различия в культурах, образовательных системах и структуре научного сообщества родных стран авторов (обзор работ см. [8]). Результаты исследований, выполненных на обширном фактическом материале, не только представляются более достоверными, но и имеют несомненное преимущество в силу практической значимости.

Исследования стилей языка, речи и коммуникации имеют достаточно давнюю историю и проводятся на основе методологии, выработанной в таких науках, как стилистика, социолингвистика, риторика, прагматика, однако задачи межъязыкового сопоставления стилей были поставлены только в последнее время и требуют разработки специальной методики их решения, так как при определении эквивалентности и различий единиц разных языков в тексте возникают многочисленные проблемы, некоторые из которых обсуждаются ниже.

Во-первых, схожие со структурно-языковой точки зрения единицы могут выполнять в тексте разные функции, в связи с чем применение в исследовании количественных или корпусных методик не позволяет получить ясную и достоверную картину стилистических различий. Во-вторых, наряду с такой многозначностью

языковых форм существует и их синонимия: для выполнения одной функции в текстах данной лингвокультуры регулярно используются разноуровневые средства. Сопоставлять разноязычные тексты можно лишь с учетом всей совокупности способов передачи данного значения, поэтому обойти проблему установления функциональной эквивалентности при анализе национальных стилевых черт невозможно.

Кроме того, аналогичные средства различных языков могут служить достижению одной и той же, типичной для данного типа дискурса, цели, но реализовывать различные, национально специфичные стратегии ее достижения, что выявляется лишь с помощью контекстуального анализа. Наконец, выявление этноспецифичных коммуникативных стратегий может дать представление о национальном стиле коммуникации только в том случае, если они рассматриваются во взаимосвязи.

Указанные проблемы будут продемонстрированы ниже на материале трех научных статей, посвященных одной теме: анализу телевизионного дискурса. Авторы одной из них, ученые из Шеффилдского университета, показывают, как применение пяти канонов риторики в телевизионной рекламе позволяет воспроизводить на экране профессиональные и гендерные стереотипы [9]. Статья на русском языке рассматривает прием использования нескольких голосов в телевизионном репортаже для того, чтобы убедить зрителя в том, что собственная точка зрения журналиста является наиболее объективной [1]. В рассматриваемый материал также включена статья исследовательницы из Волгограда, посвященная типологии коммуникативных стратегий в новостном дискурсе [6]. Она написана на английском языке, однако сопоставление ее с двумя текстами на родном языке авторов показало, что в ней проявляются стилевые черты русской научной речи, и при сравнении стиля статей, написанных на одном языке носителями разных лингвокультур, возникают те же проблемы, что и при межъязыковом анализе.

Схожие по тематике, эти статьи при поверхностном, количественном анализе обнаруживают сходство и в отборе языковых средств. Так, во всех трех текстах используются модальные глаголы: в статьях на английском языке насчитывается 18 и 13 случаев их употребления, в русскоязычной статье — 17. Напрашивается вывод, что на этом уровне языковой структуры явных стилистических различий в сопоставляемых текстах не наблюдается. Однако более внимательное рассмотрение показывает, что функции, выполняемые модальными глаголами в данных статьях, неоднородны.

Во-первых, модальные глаголы выражают значение предположения, указывая на степень уверенности автора в достоверности сообщаемой информации:

(1) *It is logical to assume, therefore, that it must carry an equally important message* [9. С. 147].

Кроме того, в рассматриваемых статьях они используются для указания на объем описываемого материала:

(2) *«Точка зрения» журналиста может быть также выражена в семантике глагола-связки, предвещающей цитирование* [1. С. 31].

В примере (2) модальный глагол указывает на описание одного из возможных вариантов передачи данного смысла: в некоторых случаях точка зрения журналиста выражается глаголом-связкой, в других — другими средствами. Автор ограничивается анализом только указанных случаев, не уточняя их количественное соотношение с остальным материалом.

Наконец, модальные глаголы употребляются в предложениях, указывающих на источник полученной информации:

(3) *The first canon, Invention, which we can sub-title 'knowing the audience' was a key and prior requisite to the following four canons* [9. С. 143].

Здесь авторы берут на себя ответственность за «подзаголовок», которыми они снабжают античный канон, употребляя модальный глагол в сочетании с личным местоимением.

Кроме этих, наиболее типичных, случаев использования модальных глаголов, в рассматриваемых статьях о телевизионном дискурсе встречаются единичные употребления в значении «возможность совершения действия» и «запрет на совершение действия», которые не будут учтены в дальнейшем анализе в связи с их низкой частотностью.

Распределение функций модальных глаголов по статьям, написанным русскими и английскими исследователями, иллюстрирует первую из перечисленных выше проблем сопоставления языковой реализации стиля. В значении предположения эти языковые единицы используются только авторами — носителями английского языка, составляя 50% всех случаев употребления ими модальных глаголов:

(4) *...we shall look at two ostensibly amusing television advertisements from 2005 in order to illustrate how such rhetoric might be targeting and acting on its audiences today* [9. С. 141].

(5) *...there may be ramifications for children in secondary education that, in the wider context, implicate televisual rhetoric as a key component in maintaining, reinforcing or modifying our cultural behavior* [9. С. 147].

Модальные глаголы в этих примерах используются авторами для смягчения высказывания. Они представляют влияние телериторики на зрителей в целом и учащихся средних школ в частности как явление возможное, но не безусловно существующее. В статьях русских исследовательниц как на русском, так и на английском языке в этой функции модальные глаголы не употребляются.

Для ограничения объема рассматриваемого материала, напротив, английские ученые использовали модальный глагол только дважды, в обоих случаях для описания практики античных риториков, а не при изложении хода собственного анализа:

(6) *Mnemonics were frequently employed whereby, for example, rhetors may, in their minds, associate the parts of their speeches with various rooms in a house* [9. С. 146].

(Отметим, что значение указания на отдельный случай, передаваемое модальным глаголом, поддерживается в последнем примере вводной фразой *for example*).

В статьях же русских ученых это значение является ведущим: 6 употреблений из 13 в статье на английском языке и 15 из 17 на русском. В последней глаголы *может*, *могут* в значении «в отдельном случае» распределены равномерно по всему тексту, встречаясь на каждой странице:

(7) *В полифоническом тексте временные пространства рассказчика и персонажа могут совмещаться* [1. С. 26].

(8) *Специфика полифонии в новостном дискурсе состоит в том, что она может быть как реальной, «физической», так и «лингвистической», то есть создаваться только голосом медиаторца* [1. С. 25].

В примерах (7) и (8) модальные глаголы выражают не степень вероятности того, что указанное явление происходит, а его встречаемость: временные пространства рассказчика и персонажа совмещаются не во всех полифонических текстах, а только в некоторых (стоит отметить, что условия возникновения явления, факторы, препятствующие этому, и типичность/атипичность для рассматриваемого типа дискурса автором в тексте не оговариваются).

Если авторы английской статьи в примере (4) представляют воздействие телериторики на зрителей как возможно существующее явление, предоставляя читателю на основании приводимых в статье аргументов самому определять степень его вероятности, то в примере (7) уверенность автора ничем не смягчается: совмещение временных пространств рассказчика и персонажа имеет место, для подтверждения чего достаточно привести хотя бы один пример (о примерах см. также ниже).

С помощью модального глагола автор строит высказывание таким образом, что оно не может быть опровергнуто с помощью контрпримеров: область случаев, к которым применимы выводы автора, заранее ограничена. Это значение глагола еще ярче проявляется в примере (8): здесь *может* синонимично союзу *или* — полифония является в одних случаях «физической», в других — «лингвистической», ее существование под сомнение не ставится.

Таким образом, анализ контекстов, в которых используются модальные глаголы, показывают, что в целом ряде случаев их функции в тексте несопоставимы. В статьях, написанных русскими авторами, употребление модальных глаголов реализует тактику ограничения материала, помогающую доказать достоверность заключений автора. Для того чтобы делать выводы об особенностях русского и английского научного стиля, необходимо сопоставлять использование русских модальных глаголов со средствами, несущими ту же функцию в английских текстах: вводными конструкциями, эксплицирующими логические связи, риторическими приемами убеждения читателя и пр.

Соответственно, модальные глаголы в значении предположения в статье К. Симпсона и Р. Уолтона, с точки зрения их роли в формировании стиля, целесообразно сравнивать с различными средствами усиления/ослабления авторской позиции, используемыми в русских текстах (в статьях И. Кузнецовой и О.В. Лапуновой модальные глаголы в этом качестве не используются).

Необходимо отметить, что модальные глаголы не являются единственным средством выражения уверенности/неуверенности в статье о телевизионной рекламе, что видно из следующего примера:

(9) *Although the risk that such an accent might conjure up an image of Frankenstein is also possible it is unlikely in the light of the scientists' portrayal as problem-solving benefactors* [9. С. 150].

Для высказывания предположения о воздействии рассматриваемого рекламного ролика на зрителя авторы используют в одном предложении, помимо глагола *might*, прилагательное *possible* и конструкцию *to be likely*. Во всем тексте статьи встречается еще целый ряд средств передачи уверенности/неуверенности: *somewhat, in a way, seem, to be unlikely, almost certainly*, условное наклонение глагола. С функциональной точки зрения эти средства составляют с модальными глаголами одну группу. Поэтому для выявления стилистических различий необходимо сопоставлять количество предложений (или пропозиций — учитывая большой процент сложных предложений) с модальностью предположения и количество предложений с модальностью факта (в нашем материале последних значительно больше в текстах русских ученых).

При этом возникает вторая из упомянутых в начале нашей статьи проблем: определение функциональной эквивалентности структурно разнородных единиц. Так, вводные фразы *for example, например, в данном случае*, не относясь к модальным средствам языка, тем не менее реализуют в тексте то же значение ограничения материала, что и модальные глаголы *can, may*.

При оценке стилистической значимости этой тактики необходимо выделить все единицы с этим значением и сопоставлять встречаемость в тексте всей группы. Количество таких единиц в статьях И. Кузнецовой и О.В. Лапуновой значительно превышает их число в статье английских авторов.

Таким образом, учет всех средств, несущих одну и ту же функцию, позволяет говорить о большей стилистической значимости тактики ограничения материала в рассматриваемых статьях русских авторов.

Даже совпадение функций аналогичных языковых единиц в тексте еще не говорит об их одинаковой стилистической нагрузке. Проблема здесь (третья из перечисленных) состоит в том, что одни и те же цели достигаются в различных лингвокультурах через реализацию разных коммуникативных стратегий, выявление которых также требует контекстуального анализа. Так, частотность употребления глагола *can* в структурах, указывающих на источник информации, в статьях шэффилдских лингвистов и волгоградской исследовательницы совпадает — пять случаев в каждой статье. Однако нельзя сказать, что стратегии представления информации в обоих текстах одни и те же.

Во всех пяти случаях в статье англичан *can* входит в конструкции в действительном залоге с местоимением *we* в качестве подлежащего:

(10) *So already we can see that before readers have even engaged with the text they are being prepared by visual rhetoric* [9. С. 144].

В зависимости от значения местоимения ответственность за приводимое мнение или возлагается на автора, как в примере (3), или делится с читателем, который, как предполагается, должен прийти к нему, следуя за ходом рассуждений автора — пример (10).

Во всех аналогичных случаях употребления глагола *can* И. Кузнецовой предложения стоят в страдательном залоге без указания деятеля, как, например, во фрагменте:

(11) *It can be stated that lexical, grammatical and linguo-rhetorical means constitute a tactics* [6. С. 114].

Структура предложения позволяет избежать приписывания этого заявления какому-либо лицу. Более того, контекст не позволяет с уверенностью сказать, является ли эта часть текста продолжением изложения взглядов предшественников автора (цитируемой выше О.С. Иссерс) или собственным заключением пишущего. (Добавим, что эта стратегия «вывода» автора из текста реализуется также и принципом структурирования статьи: ссылки на работы ученых, работавших в той же области, не вынесены в отдельный раздел, а приводятся по ходу представления результатов исследования). Отбирая структурно и функционально схожие средства, носитель иной лингвокультуры прибегает, тем не менее, к принципиально отличной коммуникативной стратегии.

Опираясь на языковые структуры, исследователь национального научного стиля может получить более обоснованные и практически применимые результаты, но при этом ему приходится решать многочисленные проблемы функциональной эквивалентности единиц в тексте, в том числе и описанные выше. Вместе с тем даже тщательный контекстуальный анализ не дает ясной картины стилистических различий, если выявленные стратегии описываются по отдельности. В этом состоит последняя из рассматриваемых проблем.

Высокая частотность модальных смягчителей, некатегоричные стратегии представления материала могут создать впечатление, что в стиле английской статьи просматривается некоторая «неуверенность».

Однако если учесть, что в том же тексте реализуются стратегии активной самореференции автора, тесного взаимодействия с читателем, максимальной экспликации логических связей, широко используются риторические приемы убеждения, многие из которых у русского читателя ассоциируются скорее с публицистическим стилем, мы не можем сказать, что авторы статьи о телериторике уходят от ответственности за результат коммуникации. Избегая прямого давления на читателя, они предпочитают разнообразные способы косвенного коммуникативного воздействия, возможно, более эффективные, во всяком случае для читателей, принадлежащих к той же лингвокультуре.

Более категоричный тон утверждений в статьях русских авторов также предстает в ином свете, если принять во внимание последовательно реализуемые ими стратегии «вывода» из текста и автора, и читателя (пассивные и безличные конструкции, фактический запрет на использование местоимения первого лица в единственном числе, а также местоимений второго лица, значительно меньшее,

по сравнению с английской статьей, количество выражений, ориентирующих читателя в тексте, менее жесткое структурирование статьи) и ограничения рассматриваемого материала (модальные глаголы, вводные фразы, наречия со значением «в некоторых случаях», тактика приведения примеров для обеспечения убедительности текста).

Авторы не претендуют на обладание объективной истиной; приводимые ими выводы, во-первых, предстают плодом коллективного творчества, во-вторых, справедливы лишь для ограниченного круга явлений.

Описанные выше проблемы возникают и при анализе стилистической значимости других языковых и речевых явлений: личных местоимений, дискурсивных маркеров, сложноподчиненных и осложненных предложений, различных техник номинации, восклицательных и вопросительных высказываний, залоговых и временных форм глаголов, встречаемости различных частей речи и семантических групп. Несмотря на существование достаточно многочисленных и успешных исследований научного дискурса на основе корпусных методик (см. например, [5; 2; 3]), стилистико-сопоставительное рассмотрение, особенно межъязыковое, непродуктивно без работы «вручную», контекстуального анализа.

Преодолев трудности выявления функций единиц различных языков в научном тексте и анализа реализуемых с их помощью стратегий, исследователь может получить данные об особенностях национального стиля научной коммуникации, имеющие практическое значение как для лексикографии, так и для лингводидактики. Представляется, что решение этой задачи может оказать положительное влияние не только на практику межкультурной коммуникации в сфере науки, но и на процесс сознательного совершенствования собственного национального научного стиля.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Лапунова О.В.* Телевизионный информационный дискурс как разновидность полифоничного дискурса // Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. — Мн., 2011. — С. 25—32.
- [2] *Ädel A.* A Taxonomy of Metadiscourse in Academic English // Nordic Journal of English Studies. — 2010. — Vol. 9. — No. 2. — P. 69—98.
- [3] *Bondi M.* Metadiscursive Practices in Introductions: Phraseology and Semantic Sequences across Genres // Nordic Journal of English Studies. — 2010. — Vol. 9. — No. 2. — P. 99—123.
- [4] *Galtung J.* Structure, Culture and Intellectual Style // Social Science Formation. — 1981. — 20. — P. 817—856.
- [5] *Hyland K., Tse P.* Metadiscourse in Academic Writing: A Reappraisal // Applied linguistics 25/2. — Oxford University Press, 2004. — P. 156—177.
- [6] *Kuznetsova I.* Communicative Strategies in Mass Media Discourse: The manipulative aspect // Dialogue Analysis XI. Proceedings of the 11th IADA Conference on 'Dialogue Analysis and Rhetoric'. — iada.online.series Volume 1/09. — P. 113—120.
- [7] *Mauranen A.* Cultural differences in Academic discourse — Problems of a Linguistic and Cultural Minority // Publications de l'association finlandaise de linguistique appliqué. — 1993. — 51. — P. 157—174.
- [8] *Siepmann D.* Academic Writing and Culture: An Overview of Differences between English, French and German // Translators' Journal. — 2006. — Vol. 51. — N° 1. — P. 131—150.

- [9] *Simpson C.F.J., Walton R. Televisual Rhetoric // Dialogue Analysis XI. Proceedings of the 11th IADA Conference on 'Dialogue Analysis and Rhetoric'. — iada.online.series Volume 1/09. — P. 141—154.*
- [10] <http://www.helsinki.fi/englanti/elfa.html>

STYLISTIC FEATURES IN ACADEMIC DISCOURSE

Yu.A. Lobina

English Language Department
Ulyanovsk State Pedagogical University
V.I. Lenin 100th anniversary sq., 4, Ulyanovsk, 432700

While comparing styles of discourse in academic settings across cultures a scholar faces a number of problems since structural similarity of linguistic units does not result in their stylistic equivalence. The paper examines the nature of the problems that arose in the course of comparing three articles on television discourse written in English and Russian by native and non-native speakers. It argues that the ways in which these linguistic units function in academic discourse of a particular culture can be determined only as a result of careful analysis of context and in view of a whole gamut of culturally specific means of realizing communicative meanings.

Key words: communicative style across cultures, stylistic feature, academic discourse, communicative strategy, contextual analysis.

REFERENCES

- [1] *Lapunova O.V. Televisionniy informatsionniy diskurs kak raznovidnost polifonichnogo diskursa [Television informative discourse as a variant of polyphonic discourse] // Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1, Philology. — Minsk, 2011. — C. 25—32.*
- [2] *Ädel A. A Taxonomy of Metadiscourse in Academic English // Nordic Journal of English Studies. — 2010. — Vol. 9. — No. 2. — P. 69—98.*
- [3] *Bondi M. Metadiscursive Practices in Introductions: Phraseology and and Semantic Sequences across Genres // Nordic Journal of English Studies. — 2010. — Vol. 9. — No. 2. — P. 99—123.*
- [4] *Galtung J. Structure, Culture and Intellectual Style. — Social Science Formation. — 1981. — 20. — P. 817—856.*
- [5] *Hyland K., Tse P. Metadiscourse in Academic Writing: A Reappraisal // Applied linguistics 25/2. — Oxford University Press, 2004. — P. 156—177.*
- [6] *Kuznetsova I. Communicative Strategies in Mass Media Discourse: The manipulative aspect // Dialogue Analysis XI. Proceedings of the 11th IADA Conference on 'Dialogue Analysis and Rhetoric'. — iada.online.series Volume 1/09. — P. 113—120.*
- [7] *Mauranen A. Cultural differences in Academic discourse — Problems of a Linguistic and Cultural Minority // Publications de l'association finlandaise de linguistique appliquée. — 1993. — 51. — P. 157—174.*
- [8] *Siepmann D. Academic Writing and Culture: An Overview of Differences between English, French and German // Translators' Journal. — 2006. — Vol. 51. — N° 1. — P. 131—150.*
- [9] *Simpson C.F.J., Walton R. Televisual Rhetoric // Dialogue Analysis XI. Proceedings of the 11th IADA Conference on 'Dialogue Analysis and Rhetoric'. — iada.onl.*